

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9.07, 316.624

Половозрастные особенности проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте

А. В. Егорова^{1а}, А. А. Реан², О. А. Тихомандрицкая³

¹ Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

³ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Егорова А. В., Реан А. А., Тихомандрицкая О. А. Половозрастные особенности проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 2. С. 205–222.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.201>

Статья посвящена исследованию половозрастных особенностей проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. Представлен теоретико-методологический обзор литературы по заданной проблематике, в частности рассматривается динамика проявления различных типов агрессии у подростков, приводится обзор исследований, изучающих возрастную и гендерную специфику в проявлении агрессии, а также анализируются факторы, объясняющие различия в проявлении агрессии у мальчиков и девочек разных возрастных групп. Приведены результаты эмпирического исследования, проведенного на масштабной выборке подростков ($N = 10\,980$) в возрасте от 15 до 18 лет. В процессе анализа показано, что физическая агрессия более явно выражена у респондентов мужского пола, а враждебность и гнев — женского. Результаты однофакторного дисперсионного анализа демонстрируют статистически значимое влияние эффекта пола на выраженность всех типов агрессии, при этом наибольший эффект наблюдается по показателю выраженности гнева, а наименьший — по показателю проявления враждебности. Также установлена возрастная неравномерность в проявлении различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. Было показано, что уровень физической агрессии в период 15–18 лет значимо снижается, а по показателям гнева и враждебности он остается стабильным после 15 лет. Влияние эф-

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

фекта возраста на выраженность всех типов агрессии также оказалось статистически значимо, при этом наибольший эффект наблюдается по показателю склонности к физической агрессии, а наименьший — по показателю проявления гнева. Полученные результаты подтверждают необходимость учета возрастных и половых особенностей при создании программ профилактики, а также расширяют базу исследований, направленных на изучение половозрастных особенностей подростковой агрессии и могут помочь исследователям в разработке технологий просветительской и профилактической работы с подростковой агрессией.

Ключевые слова: агрессия, подростковый возраст, половозрастные особенности, гнев, враждебность, физическая агрессия.

Введение

Изучение подростковой агрессии не теряет своей актуальности и отражает одну из острейших проблем современного общества. Наблюдается рост исследований, анализирующих физические и вербальные акты агрессии, буллинг, скулшутинг и другие агрессивные тенденции в поведении детей и подростков. Как показано в международном отчете ВОЗ, исследования которого направлены на изучение поведения детей школьного возраста (11, 13 и 15 лет) в отношении здоровья (HBSC), распространенность агрессии в подростковой среде фиксируется во всех странах мира¹. Более того, фиксируются и гендерные различия в столкновении и проявлении агрессивных тенденций. В частности, результаты исследования HBSC на российской выборке 15-летних юношей-подростков показали, что 30 % из них сталкивались с издевательствами один или два раза за последние пару месяцев, среди девушек-подростков таких 31 %. Кроме того, 14 % 15-летних юношей отмечают, что принимали участие в травле других учащихся, а среди девушек таких 8 %. Другие исследования показывают тенденции столкновения подростков с различными видами буллинга. Например, с социальным буллингом сталкиваются 10 % мальчиков и 11 % девочек, с физическим — 8 % мальчиков и 4 % девочек, а с вербальным — 19 % мальчиков и 16 % девочек (Новикова и др., 2021).

Даже несмотря на то что фиксируется снижение агрессивных проявлений по мере взросления подростков, социальное неприятие и школьная травля не могут пройти бесследно для их психического здоровья и благополучия. Было показано, что у подростков, участвующих в травле, более выражены агрессивные проявления, они чаще сталкиваются с нападениями со стороны своих одноклассников, имеют вредные привычки и трудности в академической успеваемости (Соколова, 2018). Более того, травля не только может стать спусковым крючком для проявления ответной агрессии, но и увеличивает риски суицидального поведения. Шокирующие данные за период 1990–2019 гг. о количестве подростковых самоубийств в начале учебного года представили зарубежные исследователи, используя материалы Национального центра статистики здравоохранения США. Ученые показали, что число самоубийств среди подростков в возрасте от 12 до 18 лет самое низкое в летние месяцы, однако с началом учебного года их количество резко возрастает. Более того, в исследовании показано, что число суицидов среди подростков резко

¹ Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC) // Европейский портал информации здравоохранения. URL: <https://gateway.euro.who.int/ru/datasets/hbsc/> (дата обращения: 13.09.2023).

сократилось в марте 2020 г., когда началась пандемия COVID-19, и оставалось низким в течение летнего периода, однако показатели снова начали расти, как только школы открылись вновь (Hansen et al., 2022). С необходимостью встает проблема изучения динамики и факторов, приводящих к росту агрессии среди подростков, а также создания профилактических мер с целью снижения агрессивного поведения среди учащихся. Половозрастные особенности проявления подростковой агрессии являются одним из значимых аспектов изучения данной проблематики.

Теоретический обзор представленной проблемы

Подростковая агрессия является распространенным явлением во время переходного периода от детства к зрелости. При этом подростковая агрессия может принимать разные формы, в том числе физическую и вербальную. Исследования, проведенные Л. М. Семенюк, показали интересные результаты относительно динамики проявления физической и вербальной агрессии у подростков разных возрастных групп. В частности, в возрасте 10–11 лет у подростков преобладает физическая агрессия, а в возрасте 14–15 лет происходит рост вербальной агрессии (Семенюк, 1996). Таким образом, динамика роста физической и вербальной агрессии на разных этапах подросткового возраста различается. Если к 14–15 годам проявления физической агрессии хотя и увеличиваются, но незначительно, то вербальная агрессия по мере дальнейшего взросления существенно возрастает (Björkqvist, 1994; Owens et al., 2005). Как отмечается в тех же исследованиях, дети постарше предпочитают вербальные и косвенные формы проявления агрессии. В целом на разных возрастных этапах между различными формами агрессии обнаруживаются четкие различия по частоте встречаемости (Реан, 2016).

Что же заставляет подростков проявлять агрессию? По данным исследования О. В. Кобзевой, агрессивное поведение подростков в возрасте 12–14 лет обусловлено желанием достичь независимости и проявлением активности в межличностном взаимодействии, а в возрасте 15–18 лет — желанием завоевать авторитет и повысить социальный статус в референтной группе (Кобзева, 2006). Также на большой выборке подростков 15–18 лет была обнаружена положительная корреляционная связь между агрессией и социальной идентичностью (Егорова, 2022), то есть агрессивные подростки зачастую формируют собственную идентичность на основе деструктивных взаимоотношений с другими людьми и оценок их личности окружающими. В другом исследовании изучалось восприятие педагогами причин агрессивного поведения учащихся 5–9-го классов. Было показано, что, по мнению педагогов в основной школе, причины подростковой агрессии связаны, с одной стороны, с процессом формирования школьного коллектива, с другой — с ростом потребности в личностном самоопределении. Если в 5–7-м классах педагоги отмечают появление групповой самоидентификации (ориентация на «мы»), то в 7–9-м классах, по мнению педагогов, ученики все больше стремятся к личностному самоопределению и самоидентификации, в связи с чем возрастают разногласия между подростками, что, в свою очередь, становится причиной агрессивного поведения (Фомиченко, 2013).

Также одним из факторов проявления агрессии является и пол учащегося — так, существуют различия в проявлении агрессии у мальчиков и девочек. Если

раньше считалось, что мужчины более агрессивны по своей природе, чем женщины, то ситуация значительно поменялась, когда исследователи начали изучать отдельно различные формы агрессии, например косвенные и вербальные (Lagerspetz et al., 1988; Lagerspetz, Björkqvist, 1994; и др.).

На сегодняшний день уже абсолютно понятно, что половозрастные различия в проявлении разных форм агрессии действительно существуют. Многие исследования подтверждают преобладание проявлений физической агрессии у мальчиков, а косвенной агрессии — у девочек (Реан, Коновалов, 2019; Björkqvist, 2018; Hess, Hagen, 2006; Card et al., 2008; и др.). Как отмечается в различных исследованиях, для мальчиков характерно проявление агрессии в прямой, открытой форме и направленной непосредственно на конфликтующего, в то время как у девочек предпочтение отдается вербальной агрессии как в прямой, так и в косвенной форме ее проявления (Реан, 2016). На преобладание физической агрессии у мальчиков указывают и статистические данные, где отмечается, что мальчики в 11 лет в два раза чаще участвуют в драках, нежели девочки (21 против 8%). В целом эти тенденции характерны для разных культур, однако, например, в Исландии различия в процентах участия в драках как мальчиков, так и девочек не являются статистически значимыми². В другом исследовании, проведенном на выборке 247 909 подростков из 63 стран, было показано, что половые различия в проявлении физической агрессии варьируются в зависимости от страны проживания и могут уменьшаться по мере увеличения гендерного неравенства (Nivette et al., 2019).

Кроме того, многие исследования показывают возрастную неравномерность в проявлении агрессии (Broidy et al., 2003; Vaillancourt et al., 2003; и др.). Данные исследований свидетельствуют о том, что в первый год жизни мальчики уже проявляют больше физической агрессии, чем девочки, хотя и разница между полами оказывается незначимой (Alink et al., 2006). Половой разрыв в проявлении физической агрессии увеличивается на протяжении всей жизни, достигая пика в зрелом возрасте между 18 и 30 годами, когда мужчины используют физическую агрессию чаще, чем женщины (Côté, 2007). Согласно исследованию, проведенному П. А. Ковалевым, возрастной пик проявления агрессии у мальчиков приходится на 12 и 14–15 лет, в свою очередь у девочек — на 11 и 13 лет (Ковалев, 1996).

Существует несколько факторов, которые могут объяснить различия в проявлении агрессии у мальчиков и девочек. Один из них — особенности их социализации. Среди главных агентов социализации выделяются следующие: семья, школа и неформальное окружение. Окружающая среда оказывает большое влияние на проявление агрессии у детей. И именно семья является первым и главным институтом социализации, оказывающим влияние на формирование личности (Реан, 2016). Было показано, что строгая дисциплина родителей может создать риск развития агрессивного поведения в раннем подростковом возрасте (Cui, Lan, 2020; Xing et al., 2021). Собственно, это согласуется с идеей о том, что строгие наказания (в том числе физические) со стороны родителей могут служить пусковым механизмом для проявления агрессии подростка. Кроме того, согласно теории социального научения А. Бандуры (A. Bandura), усвоение определенных социальных навыков поведения происходит посредством механизма наблюдения и подражания (Bandura,

² Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC).

1973). Родители являются одним из важнейших образцов для подражания, оставаясь референтными лицами на различных этапах становления личности ребенка и подростка (хотя степень референтности на различных возрастных этапах и неодинакова). Если родители проявляют агрессивное поведение, то это поведение может быть усвоено и присвоено ребенком. В ходе одного из российских исследований была показана значимая корреляционная связь между агрессивностью родителей и агрессивностью их детей. В частности, чем больше родители в своем поведении используют физические методы воздействия, тем выше вероятность того, что их дочь будет вести себя подобным образом, а проявление отцом вербальной агрессии способствует развитию вербальной агрессии у мальчиков, а у девочек — как вербальной, так и физической (Жуйкова, 2014). Этот результат представляется интересным в контексте изучения гендерных особенностей подростковой агрессии и теории социального научения, так как различные проявления агрессивности родителей могут по-разному влиять на подростков разного пола. Это можно объяснить с позиции гендерно-ролевой социализации подростков. Во многих культурах у подростков разного пола формируются различные нормы и образцы поведения. Как правило, мужской образ ассоциируется с силой, мужеством и защитой, а женский — с мягкостью, слабостью и заботой. Таким образом, формируются гендерные стереотипы о «типично женских» и «типично мужских» качествах и моделях поведения (например, «мальчик должен уметь драться», «девочкам драться нельзя»). Большинство детей автоматически принимают гендерные нормы, идентифицируя себя с ролевыми моделями, которые предъявляют им взрослые того же пола и подвергают себя оценкам и суждениям окружающих, основываясь на идеалах «мужского» и «женского» (Иванова, 2005). Если мужчины более склонны к проявлению физической агрессии из-за «навязывания» обществом доминирующих и конкурентных ролей (Archer, 2009), то женщинам присваиваются более уступчивые и мягкие роли, препятствующие насилию (Nivette et al., 2019). Таким образом, гендерные различия в проявлении агрессии являются результатом усвоенного поведения и процессов гендерной социализации, которая происходит на протяжении всего детства и отрочества (Akers, Jennings, 2015; Semenza, 2021). Кроме того, социальные нормы и гендерные роли могут влиять на обучение подростков стратегиям поведения в конфликте, альтернативным агрессии. В частности, это связано с тем, что альтернативные стратегии могут быть не приняты группой сверстников, так как могут восприниматься ими как «типично женские». Например, в конфликтной ситуации обратиться за помощью ко взрослому, для референтной группы, вероятнее, будет более «приемлемым» для девочек, нежели для мальчиков. Также важно отметить, что использование девочками косвенных форм агрессии вероятнее связано с низким риском получения физических травм, а поскольку физическая агрессия непосредственно связана с нанесением телесных повреждений, девочки выбирают для себя более безопасные формы проявления агрессии (Campbell, 1999; Björkqvist, 1994; Archer, Coyne, 2005; Côté, 2007).

Гендерные стереотипы и роли, которые формируются в семье, находят подкрепление и в школьной среде. Это подтверждается результатами исследования восприятия педагогами агрессивного поведения учащихся. Большинство педагогов отмечают, что мальчики склонны к проявлению агрессии вовне (физическая/вербальная), а девочки — вовнутрь (раздражение, обиды). При этом значительная

часть педагогов соглашались с утверждением, что агрессия мальчиков воспринимается взрослыми более лояльно, нежели агрессия девочек. Также 32 % учителей считают, что у девочек агрессия проявляется реже, чем у мальчиков (Реан, Коновалов, 2021). В контексте данных результатов можно говорить о том, что оценка педагогов согласуется с тем, о чем мы говорили выше, в контексте гендерно-ролевой социализации и различий в проявлении подростковой агрессии.

Целью данной статьи является рассмотрение половозрастных особенностей проявления различных типов агрессии по результатам проведенного исследования на масштабной выборке подростков старшего возраста. Нами была поставлена задача рассмотреть половые различия проявления агрессии, а также изучить возрастную динамику проявления различных видов агрессии в рамках одной возрастной группы (15–18 лет). Это обусловлено, в частности, тем фактом, что имеющиеся на сегодняшний момент времени данные о половозрастных особенностях проявления агрессии в подростковом возрасте не столь однозначны. Например, в исследовании М. М. Лобасковой и соавторов (Лобаскова и др., 2021) не выявлено влияния возраста на показатели физической агрессии, гнева и враждебности, в то время как в другом исследовании эффект возраста значимо влиял на гнев и вербальную агрессию подростков (Butovskaya et al., 2019). При этом многие исследования показывают, что программы профилактики правонарушений, связанных с агрессивным поведением, имеют гендерные различия в результатах их эффективности, то есть некоторые программы могут быть эффективны только для девочек, но не для мальчиков (Fagan, Lindsey, 2014), что подчеркивает необходимость изучения половых различий в проявлении подростковой агрессии.

Методы

Описание выборки. Всего в исследовании приняли участие 10 980 подростков из 10 регионов РФ, из них 6096 девушек (55,5 % выборки), 4884 юношей (44,5 %) в возрасте от 15 до 18 лет. Большинство респондентов проживают в Амурской области (33,5 %), 21 % — в Ленинградской, почти 18 % — в Свердловской. Менее 10 % представленной выборки проживают в Челябинской и Волгоградской областях, а менее 5 % — в Краснодарском, Красноярском, Хабаровском крае, Воронежской и Московской областях. Средний возраст респондентов 15,9 года ($SD = \pm 0,92$). На момент исследования все респонденты получали основное общее, среднее общее и среднее специальное образование. Основная часть респондентов — учащиеся 9–11-го классов (93,1 % выборки), 5,5 % — учащиеся 8-го класса общеобразовательных организаций, учащиеся общеобразовательных организаций среднего профессионального образования — 1,4 % выборки.

Выбор образовательных учреждений осуществлялся случайным образом и основывался на согласии руководства школы принять участие в исследовании. Поскольку в исследовании принимали участие исключительно подростки, достигшие 15-летнего возраста, согласие родителей для проведения исследования не требовалось. Тестирование проходило в онлайн-формате на платформе Ika.si. Инструкции к тестовым заданиям сформулированы в доступной форме, в соответствии с возрастными особенностями респондентов. Анализ результатов выполнялся на базе обезличенных персональных данных. Для обработки данных использовались сле-

дующие статистические методы: описательные статистики, таблицы сопряженности и однофакторный дисперсионный анализ (использование критерия Даннетта для анализа множественных сравнений). Процедура статистического анализа выполнялась в IBM SPSS statistics (v.23).

Методики. Для диагностики и распределения респондентов по уровню выраженности агрессии использовался опросник диагностики агрессии Басса — Перри в адаптации С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского (Ениколопов, Цибульский, 2007). Опросник включает в себя четыре шкалы: «Физическая агрессия», «Гнев», «Враждебность» и «Интегральная шкала». Структура опросника соответствует теоретическим положениям А. Басса (A. Buss) о поведенческом, эмоциональном и когнитивном компонентах. Интегральная шкала представляет собой суммарный показатель по всем трем шкалам. Данный опросник отвечает всем требованиям психометрических стандартов и не раз был апробирован и адаптирован в разных странах, в том числе и на подростках, см: (Лобаскова и др., 2021).

Результаты

Половые различия в проявлении различных типов агрессии. Описательные статистики половых различий в проявлении различных типов агрессии представлены в табл. 1.

Результаты описательной статистики демонстрируют более высокие средние значения по показателю физической агрессии у мальчиков, нежели у девочек (22,33 и 20,09). В свою очередь показатели гнева и враждебности более выражены у девочек, нежели у мальчиков. Оценка значимости половых различий была установлена с помощью однофакторного дисперсионного анализа, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 1. Половые различия в проявлении различных типов агрессии

Показатель	Пол	
	мужской (N= 4884)	женский (N= 6096)
Физическая агрессия	22,33 (6,99)	20,09 (7,39)
Гнев	17,56 (6,15)	20,29 (6,58)
Враждебность	19,00 (6,94)	20,80 (6,79)
Интегральная шкала	58,90 (17,36)	61,18 (17,32)

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа эффекта пола на показатели выраженности различных типов агрессии

Тип агрессии	Сумма квадратов (SS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)	Размер эффекта (η^2)
Физическая агрессия	13 584,97	260,57	<0,01	0,02
Гнев	20 178,58	492,99	<0,01	0,04
Враждебность	8747,42	185,61	<0,01	0,01

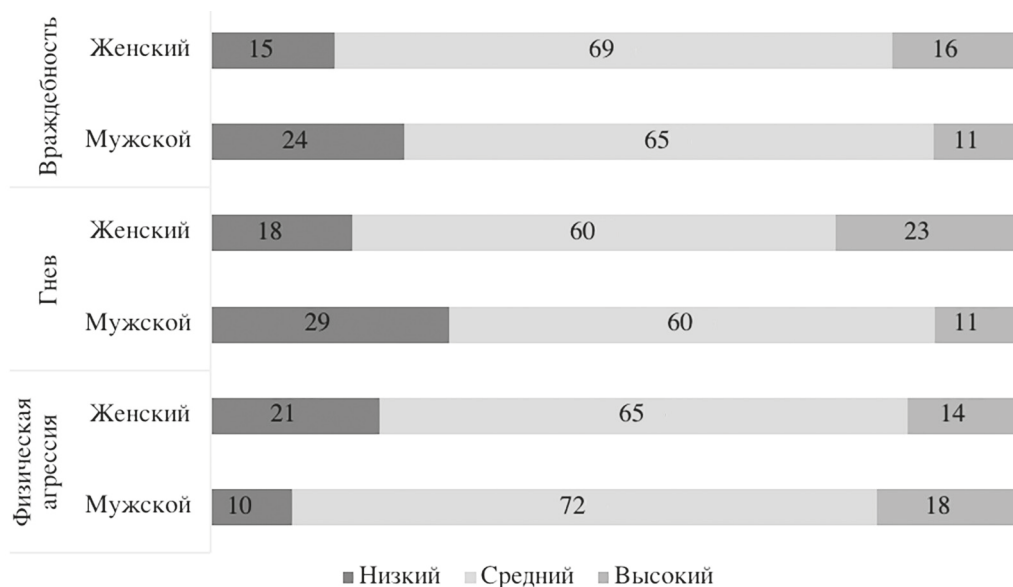

Рис. 1. Распределение респондентов по полу и уровням выраженности различных типов агрессии, %

Дисперсионный анализ позволил выявить значимые половые различия в проявлении разных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. Физическая агрессия более явно выражена у респондентов мужского пола ($\eta^2 = 0,02$; $p < 0,01$), а враждебность ($\eta^2 = 0,01$; $p < 0,01$) и гнев ($\eta^2 = 0,04$; $p < 0,01$) — у женского. Также следует обратить внимание на размер эффекта влияния пола на показатели агрессии. Наибольший эффект наблюдается по показателю выраженности гнева, а наименьший — по показателю проявления враждебности. Таким образом, результаты дисперсионного анализа демонстрируют статистически значимое влияние эффекта пола на выраженность всех типов агрессии.

Наглядное распределение респондентов по уровням выраженности различных типов агрессии представлено на рис. 1.

На гистограмме показано, что в данной выборке большинство подростков характеризуется средним уровнем склонности к физической агрессии, гневу и враждебности. Однако порядка 16% подростков женского пола обладают высоким уровнем склонности к враждебности, а 23% — высоким уровнем склонности к выражению гнева. В свою очередь, 18% юношей обладают высоким уровнем физической агрессии, что может свидетельствовать о том, что почти каждый пятый юноша старшего подросткового возраста склонен к физической агрессии в отношении других людей. В целом данные результаты наглядно показывают тенденции проявления различных типов агрессии среди подростков разного пола.

Возрастная динамика в проявлении различных типов агрессии. Описательные статистики показателей агрессии разных типов на всем протяжении старшего подросткового возраста представлены в табл. 3. Средние значения и стандартные отклонения выраженности гнева, враждебности, физической агрессии и интегральной шкалы агрессии представлены для каждой возрастной подвыборки подростков: 15, 16, 17 и 18 лет.

Таблица 3. Описательные статистики анализируемых показателей проявления агрессивности у подростков 15, 16, 17 и 18 лет

Показатель	Возрастная подвыборка подростков			
	15 лет (N=4155)	16 лет (N=3493)	17 лет (N=2731)	18 лет (N=601)
Физическая агрессия	22,04 (7,27)	20,69 (7,25)	20,16 (7,21)	21,03 (7,53)
Гнев	19,48 (6,44)	18,86 (6,54)	18,77 (6,63)	18,87 (6,62)
Враждебность	20,63 (6,90)	19,61 (6,90)	19,55 (6,84)	19,89 (7,17)
Интегральная шкала	62,15 (17,21)	59,17 (17,37)	58,49 (17,17)	59,80 (18,19)

Согласно данным, на протяжении периода с 15 до 18 лет наблюдаются различия в проявлении разных типов агрессивного поведения — гнева, враждебности и физической агрессии. Средние значения всех анализируемых типов агрессии у подростков 15 лет выше по сравнению с подростками 16, 17 и 18 лет. Для установления значимости различий и анализа эффекта возраста на показатели выраженности различных типов агрессии у подростков был проведен однофакторный дисперсионный анализ, значимость различий между разными возрастными группами была установлена с помощью критерия Даннетта (анализ множественных сравнений) в связи с неравномерностью выборочной совокупности. Результаты дисперсионного анализа представлены в табл. 4.

Таблица 4. Результаты дисперсионного анализа эффекта возраста на показатели выраженности различных типов агрессии

Показатель	Сумма квадратов (SS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)	Размер эффекта (η^2)
Физическая агрессия	6623,45	41,83	<0,01	0,01
Гнев	1099,07	8,58	<0,01	0,002
Враждебность	2745,17	19,19	<0,01	0,005

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о значимых возрастных различиях в проявлении различных типов агрессии. При этом наибольшее значение эффекта наблюдается по показателю склонности к физической агрессии ($\eta^2 = 0,01$; $p < 0,01$), а наименьшее — по показателю проявления гнева ($\eta^2 = 0,002$; $p < 0,01$).

В табл. 5 представлены результаты анализа множественных сравнений склонности к различным типам агрессии у подростков разных возрастных групп.

Результаты исследования возрастной неравномерности проявления различных типов агрессии показали значимые различия в некоторых возрастных группах. Уровень склонности к проявлению физической агрессии у подростков 15-летнего возраста значимо выше, чем у других возрастных групп. Кроме того, для подростков 16 лет также более характерен высокий уровень склонности к физической агрессии, нежели для подростков 17 лет.

По показателям враждебности и гнева были получены идентичные результаты. Значимые различия в проявлении гнева и враждебности были обнаружены между подростками 15 лет и подростками 16 и 17 лет. 15-летние подростки значимо выше склонны к проявлению гнева и враждебности.

Таблица 5. Анализ множественных сравнений склонности к различным типам агрессии у подростков разных возрастных групп

(I) Возраст	(J) Возраст	Средняя разность (I-J)	Статист. ошибка	Уровень значимости (p)	95%-ный доверительный интервал	
					нижняя граница	верхняя граница
Физическая агрессия						
15 лет	16 лет	1,34	0,16	<0,01	0,90	1,78
	17 лет	1,87	0,17	<0,01	1,40	2,34
	18 лет	1,00	0,32	<0,05	0,14	1,86
16 лет	17 лет	0,52	0,18	<0,05	0,03	1,01
Гнев						
15 лет	16 лет	0,61	0,14	<0,01	0,21	1,00
	17 лет	0,70	0,16	<0,01	0,27	1,12
Враждебность						
15 лет	16 лет	1,01	0,15	<0,01	0,60	1,43
	17 лет	1,08	0,16	<0,01	0,63	1,52

Примечание: Для удобства представления данных в таблицу включены только значимые различия между группами.

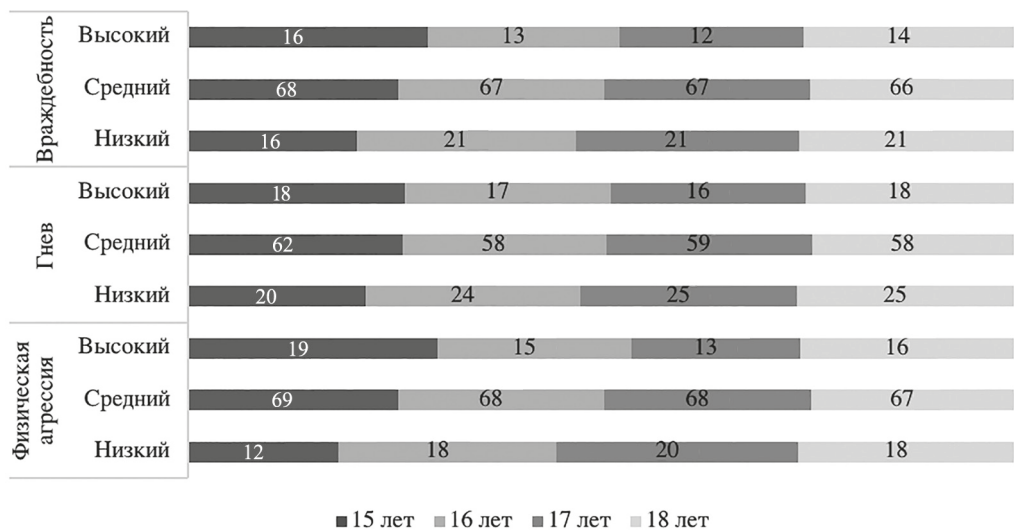

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту и уровням выраженности различных типов агрессии, %

Наглядное распределение респондентов по уровням выраженности различных типов агрессии представлено на рис. 2, где показано, что процент респондентов 15-летнего возраста, у которых преобладает высокий уровень склонности к физической агрессии, выше (19%), чем у других групп (15, 13, 16% соответствен-

но). Следует отметить, что по мере взросления уровень склонности к физической агрессии у подростков снижается. Эта тенденция нарушается лишь однажды: среди 18-летних подростков чуть больше респондентов с высоким уровнем физической агрессии (16%), нежели среди респондентов 16 (15%) и 17 (13%) лет. Однако, как показал анализ множественных сравнений, различия по данному параметру между подростками 16, 17 и 18 лет не являются статистически значимыми (см. табл. 5).

У большинства респондентов всех возрастных групп уровень выраженности гнева средний, однако практически каждый шестой подросток в возрасте от 15 до 18 лет обладает высоким уровнем склонности к выражению гнева.

Что касается результатов по шкале враждебности, то здесь наблюдаются схожие тенденции. В частности, у 15-летних подростков уровень враждебности выше, чем у других возрастных групп.

Обсуждение результатов

В ходе исследования рассматривались половозрастные особенности проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте и ранней юности.

Результаты исследования показали, что у большинства респондентов преобладает средний уровень склонности к физической агрессии, гневу и враждебности. Показано, что почти каждый пятый юноша в старшем подростковом возрасте склонен к проявлению физической агрессии в отношении других людей. В свою очередь 23% девушек из рассматриваемой выборки обладает высоким уровнем склонности к выражению гнева, а 16% — высоким уровнем склонности к враждебности. Кроме того, результаты исследования демонстрируют более высокие показатели физической агрессии у юношей, а гнева и враждебности — у девушек. Дисперсионный анализ позволил выявить статистическую значимость полученных результатов. Таким образом, наши результаты согласуются с данными, представленными в теоретическом обзоре, см.: (Рван, 2016; Björkqvist, 1994; и др.), физическая агрессия более явно выражена у респондентов мужского пола, а враждебность и гнев — у женского. Кроме того, результаты дисперсионного анализа демонстрируют статистически значимое влияние эффекта пола на выраженность всех типов агрессии. Идентичные результаты были зафиксированы ранее в других работах, использующих опросник диагностики агрессии Басса — Перри на подростковой выборке (Лобаскова и др., 2021). Как было отмечено в теоретической части статьи, это может быть связано с тем, что в ходе социализации подростков к мальчикам и девочкам предъявляются различные ожидания и требования относительно гендерных ролей и норм поведения. Кроме того, использование девочками косвенных форм агрессии может быть связано с более низким риском получения физических травм в этом случае.

Результаты исследования возрастной неравномерности проявления перечисленных типов агрессии показали значимые различия в некоторых возрастных группах. Уровень склонности к проявлению физической агрессии у подростков 15-летнего возраста значимо выше, чем у других возрастных групп. Кроме того, для подростков 16 лет также более характерен высокий уровень склонности к физической агрессии, нежели для подростков 17 лет. То есть с 15 до 17 лет склонность к проявлению физической агрессии у подростков значимо снижается. Данный ре-

зультат согласуется с ранее проведенными исследованиями (Сетко и др., 2021). Результаты по возрастной группе подростков 18 лет не представляется возможным интерпретировать однозначно. Как показано на рис. 2, среди 18-летних подростков чуть больше респондентов с высоким уровнем физической агрессии (16%), нежели среди респондентов 16 (15%) и 17 (13%) лет. Однако статистически значимых различий между данными возрастными группами не обнаружено.

По показателям враждебности и гнева были получены идентичные результаты. Значимые различия в проявлении гнева и враждебности были обнаружены между подростками 15 лет и подростками 16 и 17 лет. 15-летние подростки значимо выше склонны к проявлению гнева и враждебности. Однако между группами 16, 17 и 18 лет значимые различия отсутствуют. Этот результат представляется довольно интересным в контексте различий в проявлении разных типов агрессии. Если по показателю физической агрессии ее уровень с возрастом значимо снижается, то по остальным показателям он остается стабильным в период от 16 до 18 лет. Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о значимых возрастных различиях в проявлении различных типов агрессии. При этом наибольший показатель эффекта наблюдается по склонности к физической агрессии, а наименьший — по проявлению гнева. В нашем исследовании фактор возраста оказал значимое влияние на все переменные. В свою очередь, в других исследованиях фиксируется, что по мере взросления у подростков снижается уровень физической агрессии и враждебности, а показатели косвенной и вербальной агрессии, а также раздражительности увеличиваются (Сетко и др., 2021). Можно предположить, что противоречивые результаты возрастной неравномерности в проявлении различных типов агрессии могут быть получены ввиду используемых измерительных материалов, объема и состава выборки, что указывает на необходимость дальнейшего рассмотрения возрастных особенностей в проявлении агрессии.

Выводы

Результаты данного исследования подтвердили уже имеющиеся половозрастные тенденции на масштабной выборке старших подростков. В частности, физическая агрессия более явно выражена у респондентов мужского пола, а враждебность и гнев — женского. Кроме того, было показано влияние возраста на проявление всех типов агрессии, а также что физическая агрессия с возрастом значимо снижается, а показатели враждебности и гнева остаются стабильными в период от 16 до 18 лет. Таким образом, возрастные и половые особенности играют важную роль в формировании и проявлении подростковой агрессии. Для создания программ профилактики необходимо учитывать не только индивидуальные, но и половозрастные особенности подростков. В частности, если некоторые программы могут быть эффективны для юношей, то они могут быть неэффективны для девушек, и наоборот. Многие исследования подтверждают необходимость учета фактора пола в программах профилактики (Vogl et al., 2009; Fagan, Lindsey, 2014). Кроме того, противоречивость результатов возрастной неравномерности в проявлении различных типов агрессии у подростков требует дополнительных исследований.

Полученные результаты расширяют базу исследований, направленных на изучение половозрастных особенностей подростковой агрессии и могут помочь иссле-

дователям в разработке технологий просветительской и профилактической работы с подростковой агрессией. Также, несмотря на необходимость создания профилактических мер пресечения агрессивных тенденций среди подростков, возрастает необходимость в проверке эффективности и надежности уже используемых методов профилактики.

Литература

- Егорова А. В. Роль компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в подростковой агрессии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 205. С. 229–244. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-205-229-244>
- Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 1. С. 115–124.
- Жуйкова И. В. Гендерные особенности агрессивного поведения подростков и их родителей // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2014. № 12 (118). С. 257–261.
- Иванова Е. А. Гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 85–88.
- Кобзева О. В. Динамика агрессивности и ее взаимодействия с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2006.
- Ковалев П. А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1996.
- Лобаскова М. М., Адамович Т. В., Исмагуллина В. И., Маракишина Ю. А., Малых С. Б. Психометрический анализ опросника агрессивности Басса — Перри // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. № 14 (4). С. 28–38.
- Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Реан А. А. Психология личности. СПб.: Питер, 2016.
- Реан А. А., Коновалов И. А. Оценка педагогами подростковой агрессивности: социально-перцептивные аспекты и готовность к вмешательству // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 276–295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>
- Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33). С. 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М.: МПСИ; Флинта, 1996.
- Сетко Н. П., Булычева Е. В., Сетко И. А. Особенности формирования агрессии у современных подростков различных возрастных групп // Оренбургский медицинский вестник. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 56–59.
- Соколова С. Б. Распространенность факторов, влияющих на здоровье, у обучающихся, участвовавших в буллинге одноклассников // Современная модель медицинского обеспечения детей в образовательных организациях: Материалы VI Национального конгресса по школьной и университетской медицине с международным участием (9–10 октября 2018 г.). Екатеринбург: УГМУ, 2018. С. 186–189.
- Фомиченко А. С. Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы // Социальная психология и общество. 2013. № 4 (2). С. 81–93.
- Akers R. L., Jennings W. G. Social learning theory // A. R. Piquero (ed.). The Handbook of Criminological Theory. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. P. 230–240. <https://doi.org/10.1002/9781118512449.ch12>
- Alink L. R., Mesman J., Van Zeijl J., Stolk M. N., Juffer F., Koot H. M., Bakersman-Kranenburg M. J., Van IJzendoorn M. H. The early childhood aggression curve: Development of physical aggression in 10- to

- 50-months-old children // *Child Development*. 2006. Vol. 77 (4). P. 954–966. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2006.00912.x>
- Archer J. Does sexual selection explain human sex differences in aggression? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2009. Vol. 32 (3–4). P. 249–266. <https://doi.org/10.1017/S0140525X09990951>
- Archer J., Coyne J. C. An integrated review of indirect, relational, and social aggression // *Personality and Social Psychology Review*. 2005. Vol. 9 (3). P. 212–230. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0903_2
- Bandura A. *Aggression: A social learning analysis*. New Jersey, 1973.
- Björkqvist K. Gender differences in aggression // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 39–42. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.030>
- Björkqvist K. Sex differences in physical, verbal and indirect aggression: A review of recent research // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30 (3). P. 177–188. <https://doi.org/10.1007/BF01420988>
- Broidy L. M., Nagin D. S., Tremblay R. E., Bates J. E., Brame B., Dodge K. A., Fergusson D., Horwood J. L., Loeber R., Laird R., Lynam D. R., Moffitt T. E., Pettit G. S., Vitaro F. Developmental trajectories of childhood disruptive behaviors and adolescent delinquency: A six-site, cross-national study // *Developmental Psychology*. 2003. Vol. 39 (2). P. 222–245. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.39.2.222>
- Butovskaya M., Burkova V., Karelin D., Filatova V. The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences // *Early Human Development*. 2019. Vol. 137. P. 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
- Campbell A. Staying alive: Evolution, culture, and women's intrasexual aggression // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. Vol. 22 (2). P. 203–214. <https://doi.org/10.1017/S0140525X99001818>
- Card N. A., Stucky B. D., Sawalani G. M., Little T. D. Direct and indirect aggression during childhood and adolescence: A meta-analytic review of gender differences, intercorrelations, and relations to maladjustment // *Child Development*. 2008. Vol. 79 (5). P. 1185–1229. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2008.01184.x>
- Côté S. M. Sex differences in physical and indirect aggression: A developmental perspective // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2007. Vol. 13 (3). P. 183–200. <https://doi.org/10.1007/s10610-007-9046-3>
- Cui G., Lan X. The associations of parental harsh discipline, adolescents' gender, and grit profiles with aggressive behavior among Chinese early adolescents // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1–14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00323>
- Fagan A. A., Lindsey A. M. Gender differences in the effectiveness of delinquency prevention programs: What can be learned from experimental research? // *Criminal Justice and Behavior*. 2014. Vol. 41 (9). P. 1057–1078. <https://doi.org/10.1177/0093854814539801>
- Hansen B., Sabia J. J., Schaller J. In-person schooling and youth suicide: Evidence from school calendars and pandemic school closures // *National Bureau of Economic Research*. 2022. No. 30795. <https://doi.org/10.3386/w30795>
- Hess N. H., Hagen E. H. Sex differences in indirect aggression: Psychological evidence from young adults // *Evolution and Human Behavior*. 2006. Vol. 27 (3). P. 231–245. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2005.11.001>
- Lagerspetz K. M., Björkqvist K. Indirect aggression in boys and girls // L. R. Huesmann (ed.). *Aggressive Behavior: Current perspectives*. Boston: Springer US, 1994. P. 131–150. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-9116-7_6
- Lagerspetz K. M., Björkqvist K., Peltonen T. Is indirect aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11- to 12-years-old children // *Aggressive Behavior*. 1988. Vol. 14(6). P. 403–414. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1988\)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1988)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D)
- Nivette A., Sutherland A., Eisner M., Murray J. Sex differences in adolescent physical aggression: Evidence from sixty-three low-and middle-income countries // *Aggressive Behavior*. 2019. Vol. 45 (1). P. 82–92. <https://doi.org/10.1002/ab.21799>
- Owens L., Daly A., Slee P. Sex and age differences in victimisation and conflict resolution among adolescents in a south Australian school // *Aggressive Behavior*. 2005. Vol. 31 (1). P. 1–12. <https://doi.org/10.1002/ab.20045>
- Semenza D. C. Gender differences in the victim — offender relationship for on- and offline youth violence // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. Vol. 36 (19–20). P. 9255–9276. <https://doi.org/10.1177/0886260519864358>

- Vaillancourt T., Brendgen M., Boivin M., Tremblay R.E. A longitudinal confirmatory factor analysis of indirect and physical aggression: Evidence of two factors over time? // *Child Development*. 2003. Vol. 74 (6). P. 1628–1638. <https://doi.org/10.1046/j.1467-8624.2003.00628.x>
- Vogl L., Teesson M., Andrews G., Bird K., Steadman B., Dillon P. A computerized harm minimization prevention program for alcohol misuse and related harms: Randomized controlled trial // *Addiction*. 2009. Vol. 104 (4). P. 564–575. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02510.x>
- Xing X., Zhang L., Wei Y., Wang Z. Parental harsh discipline and preschooler's inhibitory control in China: Bidirectional relations and gender differences // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. Vol. 36 (17–18). P. NP9109–NP9129. <https://doi.org/10.1177/0886260519854558>

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 15 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Егорова Анна Викторовна — egrvan18@gmail.com

Реан Артур Александрович — акад. РАО, д-р психол. наук, проф.; profrean@yandex.ru

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна — канд. психол. наук, доц.; otihomandr@mail.ru

Gender and age-related peculiarities in manifestation of different aggression types in older adolescents

A. V. Egorov^{1a}, A. A. Rean², O. A. Tikhomandritskaya³

¹ Moscow Pedagogical State University,

1, ul. Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russian Federation

² Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research,

9, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Egorova A. V., Rean A. A., Tikhomandritskaya O. A. Gender and age-related peculiarities in manifestation of different aggression types in older adolescents. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, issue 2, pp. 205–222. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.201> (In Russian)

This article is dedicated to the study of gender and age-related peculiarities in manifesting different aggression types in older adolescents. A theoretical literature review on the problem is presented with a particular emphasis on the dynamics in various aggressive manifestations in adolescents, age and gender related peculiarities in these manifestations, and the analysis of factors that may determine the differences in manifestation of aggression in boys and girls of different age groups. The results of an empirical study conducted on a large-scale sample of adolescents ($N = 10\,980$) aged 15 to 18 years are presented. The data analysis shows that physical aggression is more pronounced in male respondents, while hostility and displays of anger are more pronounced among the female respondents. One-factor analysis of variance demonstrates a statistically significant influence of gender on the expression of all the aggression types. The largest effect size is observed in relation to anger, and the smallest — in expressions of hostility. We have also established the age-related differences in aggressive manifestations within the different aggression types in older adolescents. It was shown that physical aggression decreases significantly between the ages of 15 and 18, while anger and hostility manifestations remain stable after the age of 15. The effect of age on the expression of aggression was also statistically significant within all the aggression types. The largest effect size was observed

^a Author for correspondence.

for physical aggression, the smallest — for anger. The obtained results confirm the need to consider the age and gender characteristics when creating anger management and aggression prevention programs and to expand the research base of gender and age characteristics in adolescent aggression. Also, these results can be used for developing educational and preventive technologies for working with adolescent aggression.

Keywords: aggression, adolescence, gender and age features, anger, hostility, physical aggression.

References

- Akers, R. L., Jennings, W. G. (2015). Social learning theory. In: A. R. Piquero (ed.). *The Handbook of Criminological Theory* (pp. 230–240). Hoboken, John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118512449.ch12>
- Alink, L. R., Mesman, J., Van Zeijl, J., Stolk, M. N., Juffer, F., Koot, H. M., Bakersman-Kranenburg, M. J., Van IJzendoorn, M. H. (2006). The early childhood aggression curve: Development of physical aggression in 10- to 50-month-old children. *Child Development*, 77 (4), 954–966. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2006.00912.x>
- Archer, J. (2009). Does sexual selection explain human sex differences in aggression? *Behavioral and Brain Sciences*, 32 (3–4), 249–266. <https://doi.org/10.1017/S0140525x09990951>
- Archer, J., Coyne, J. C. (2005). An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*, 9 (3), 212–230. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0903_2
- Bandura, A. (1973). *Aggression: A Social Learning Analysis*. New Jersey.
- Björkqvist, K. (1994). Sex differences in physical, verbal and indirect aggression: A review of recent research. *Sex Roles*, 30 (3), 177–188. <https://doi.org/10.1007/BF01420988>
- Björkqvist, K. (2018). Gender differences in aggression. *Current Opinion in Psychology*, 19, 39–42. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2017.03.030>
- Broidy, L. M., Nagin, D. S., Tremblay, R. E., Bates, J. E., Brame, B., Dodge, K. A., Fergusson, D., Horwood, J. L., Loeber, R., Laird, R., Lynam, D. R., Moffitt, T. E., Pettit, G. S., Vitaro, F. (2003). Developmental trajectories of childhood disruptive behaviors and adolescent delinquency: A six-site, cross-national study. *Developmental Psychology*, 39 (2), 222–245. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.39.2.222>
- Butovskaya, M., Burkova, V., Karelin, D., Filatova, V. (2019). The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences. *Early Human Development*, 137, 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
- Campbell, A. (1999). Staying alive: Evolution, culture, and women's intrasexual aggression. *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (2), 203–214. <https://doi.org/10.1017/S0140525X99001818>
- Card, N. A., Stucky, B. D., Sawalani, G. M., Little, T. D. (2008). Direct and indirect aggression during childhood and adolescence: A meta-analytic review of gender differences, intercorrelations, and relations to maladjustment. *Child Development*, 79 (5), 1185–1229. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2008.01184.x>
- Côté, S. M. (2007). Sex differences in physical and indirect aggression: A developmental perspective. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 13, 183–200. <https://doi.org/10.1007/s10610-007-9046-3>
- Cui, G., Lan, X. (2020). The associations of parental harsh discipline, adolescents' gender, and grit profiles with aggressive behavior among Chinese early adolescents. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00323>
- Egorova, A. V. (2022). The images of real and virtual worlds and individual differences in adolescent aggression. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 205, 229–244. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-205-229-244> (In Russian)
- Enikolopov, S. N., Tsubul'skii, N. P. (2007). Psychometric analysis of the Russian-language version of the questionnaire on the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry. *Psikhologicheskii zhurnal*, 28 (1), 115–124. (In Russian)
- Fagan, A. A., Lindsey, A. M. (2014). Gender differences in the effectiveness of delinquency prevention programs: What can be learned from experimental research? *Criminal Justice and Behavior*, 41 (9), 1057–1078. <https://doi.org/10.1177/0093854814539801>
- Fomichenko, A. S. (2013). Teachers' perceptions of aggressive behavior causes in students of different ages. *Sotsialnaia psikhologiya i obshchestvo*, 4 (2), 81–93. (In Russian)

- Hansen, B., Sabia, J.J., Schaller, J. (2022). In-person schooling and youth suicide: Evidence from school calendars and pandemic school closures. *National Bureau of Economic Research*, no. 30795. <https://doi.org/10.3386/w30795>
- Hess, N.H., Hagen, E.H. (2006). Sex differences in indirect aggression: Psychological evidence from young adults. *Evolution and Human Behavior*, 27 (3), 231–245. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2005.11.001>
- Ivanova, E. A. (2005). Gender differences in the aggressive behavior of juvenile. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 21, 85–88. (In Russian)
- Kobzeva, O. V. (2006). *The dynamics of aggression and its interaction with personal characteristics in adolescence and young ages*. PhD dissertation (Psychology). Moscow. (In Russian)
- Kovalev, P. A. (1996). *Gender- and age-related features of comprehension of the structure of one's own aggressiveness and aggressive behavior by consciousness*. PhD dissertation (Psychology). St. Petersburg. (In Russian)
- Lagerspetz, K. M., Björkqvist, K. (1994). Indirect aggression in boys and girls. In: L. R. Huesmann (ed.) *Aggressive Behavior: Current perspectives* (pp. 131–150). Boston, Springer US. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-9116-7_6
- Lagerspetz, K. M., Björkqvist, K., Peltonen, T. (1988). Is indirect aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11- to 12-year-old children. *Aggressive Behavior*, 14 (6), 403–414. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1988\)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1988)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D)
- Lobaskova, M. M., Adamovich, T. V., Ismatullina, V. I., Marakshina, Iu. A., Malykh, S. B. (2021). Psychometric analysis of the Bass — Perry aggression questionnaire. *Teoreticheskaia i eksperimental'naiia psikhologiya*, 14 (4), 28–38. (In Russian)
- Nivette, A., Sutherland, A., Eisner, M., Murray, J. (2019). Sex differences in adolescent physical aggression: Evidence from sixty-three low-and middle-income countries. *Aggressive Behavior*, 45 (1), 82–92. <https://doi.org/10.1002/ab.21799>
- Novikova, M. A., Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2021). Measuring bullying in Russian schools: Prevalence, age and gender correlates, and associations with school climate. *Voprosy obrazovaniia*, 3, 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90> (In Russian)
- Owens, L., Daly, A., Slee, P. (2005). Sex and age differences in victimisation and conflict resolution among adolescents in a south Australian school. *Aggressive Behavior*, 31 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1002/ab.20045>
- Rean, A. A. (2016). *Psychology of personality*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2019). Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socioeconomic status of the family. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 1 (33), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103> (In Russian)
- Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2021). Pedagogical appreciation of juvenile aggressiveness: Socio-perceptive aspects and readiness of interference. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal*, 1 (2), 276–295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295> (In Russian)
- Semeniuk, L. M. (1996). *Psychological features of adolescent aggressive behavior and correction conditions*. Moscow, MPSI Press, Flinta Publ. (In Russian)
- Semenza, D. C. (2021). Gender differences in the victim — offender relationship for on- and off-line youth violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 36 (19–20), 9255–9276. <https://doi.org/10.1177/0886260519864358>
- Setko, N. P., Bulycheva, E. V., Setko, I. A. (2021). Features of the formation of aggression in modern students of different age groups. *Orenburgskii meditsinskii vestnik*, 9 (3 (35)), 56–59. (In Russian)
- Sokolova, S. B. (2018). *Prevalence of factors influencing health among students who participated in the bullying of classmates*. Modern model of medical care for children in educational institutions: Materials of the VI National Congress on School and University Medicine with International Participation. October 9–10 (pp. 186–189). Ekaterinburg, UGMU Press. (In Russian)
- Vaillancourt, T., Brendgen, M., Boivin, M., Tremblay, R. E. (2003). A longitudinal confirmatory factor analysis of indirect and physical aggression: Evidence of two factors over time? *Child development*, 74 (6), 1628–1638. <https://doi.org/10.1046/j.1467-8624.2003.00628.x>
- Vogl, L., Teesson, M., Andrews, G., Bird, K., Steadman, B., Dillon, P. (2009). A computerized harm minimization prevention program for alcohol misuse and related harms: Randomized controlled trial. *Addiction*, 104 (4), 564–575. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02510.x>

- Xing, X., Zhang, L., Wei, Y., Wang, Z. (2021). Parental harsh discipline and preschooler's inhibitory control in China: Bidirectional relations and gender differences. *Journal of Interpersonal Violence*, 36 (17–18), NP9109–NP9129. <https://doi.org/10.1177/0886260519854558>
- Zhuikova, I. V. (2014). Gender features of aggressive behavior of the teenagers and their parents. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 12 (118), 257–261. (In Russian)

Received: September 26, 2023

Accepted: February 15, 2024

Authors' information:

Anna V. Egorova — egrvan18@gmail.com

Arthur A. Rean — Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. in Psychology, Professor; profrean@yandex.ru

Olga A. Tikhomandritskaya — PhD in Psychology, Associate Professor; otihomandr@mail.ru